

Выходишь утром на открытую всем ветрам лоджию, а тут, на уровне пятого этажа, порхает одинокая капустаница и думает, садиться ей на мои петунии или не надо. Висит, глупая, крылышками бяк-бяк. Зря раздумывала. Перед моими ещё не до конца раскрытыми глазами мелькнула какая-то тень, и бабочки как будто и не было, только тёплое марево летнего утра. Наверное, это была ласточка, не разглядел. Или, бывает,ходишь, а мимо тебя две сороки со стрекотом гонят прочь коршуна: у сорок тут гнездо. А порой прилетит синица, сядет на ящик с цветами и, просвистев звонко и чисто, улетит. «Так вот, – думаю, – кто так громко свистит по утрам». Вот такой птичий мир у меня за окном.

Когда в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году я с семьёй въехал в общежитие, под моим окном, на проспекте Ленина, деревья были высотой метра по полтора, и птицы, видимо, чувствовали себя здесь не очень комфортно. А сейчас ёлки поднялись кое-где до седьмого этажа, липы разрослись густо и часто, появились и другие виды деревьев. И вместе с деревьями возник целый птичий мир: синицы, сороки, вороны, воробьи, коршуны, вездесущие голуби и даже соколы. Заводы в городе позакрывались; воздух, правда, чище не стал: очень много автомобилей, но птичий мир живёт, шевелится, поддерживая экобаланс. Здесь у каждого своя ниша и территория, и никого нельзя исключить без вреда для

этого мира – мира растений и птиц, где люди почти параллельная реальность...

Я несколько лет выращиваю на лоджии цветы (дачи у меня нет): петунии, золотые шары, астры и другие. Скучно выходить на лоджию, где бетон, железо да всякий хлам. Держу три навесных ящика, ящик на столе да несколько горшков. Ковыряюсь, значит, в земле – привыкаю...

MS
Первыми птицами, на кого я стал обращать внимание, поднимая иногда взгляд от земли в небо, были коршуны. Потому как они большие и летают красиво. Орнитолог, скажу, я ещё тот, хотя и родом из деревни. Долго сомневался: коршуны это или беркуты? Друзья помогли мало, но спас интернет: всё-таки это коршуны. Чёрные коршуны, размах крыльев почти два метра, вес примерно килограмм. Большие и красивые птицы, они мне помогают охранять от беды детей. Например, приезжает родня с малыми детьми. Пока мы, взрослые, радуемся встрече в комнате, дети выбегают на лоджию и ведут себя очень смело, иные даже пытались перелезть через ограждение. И как за ними уследишь? И вот я придумал: показываю на парящих в небе коршунов, объясняю, что если они, дети, будут выходить на лоджию без взрослых, эти большие птицы унесут их к себе в гнездо, как в сказке «Гуси-лебеди». И уже много лет от мелюзги слышу регулярно: «Дядя Витя, пойдём на лоджию, ты там покуришь». Боятся, значит... А потом, когда

в сказку веру потеряют, так уже и через перила не полезут.

Прилетают коршуны массово, по десять птиц и более, два раза в день: утром и вечером. Летают на разных высотах большой стаей, таким смерчем перемещаясь над городом: молодые внизу, старшие (крупные) – выше. Видят прекрасно: с высоты двух километров замечают бегущего по полю зайца. Регулярно тренируются в атаках и обороне: кружатся и кувыркаются в воздухе. Думал, зачем эти тренировки, кто нападёт на самого крупного хищника среди птиц в городе? Но, защищая свои гнёзда, коршунов атакуют и вороны, и сороки – без малейшего страха и ни разу не отступая. Уворачивались, вертелись, но продолжали нападать, пока не отгоняли прочь от гнезда.

Моя лоджия выходит на южную сторону проспекта Ленина. Прилегающую к дому территорию я изучил хорошо. С нашей стороны проспекта в ёлках гнездо сорок – там их территория. А с нечётной стороны в липах – гнездо воронье. Недавно узнал ещё об одной птичке. Однажды вижу в контровике заходящего солнца: коршуна атакует какая-то птица, похожая на ворону, но чуть меньше. Коршун повернулся к нападающей, но та ударила его в грудь на большой скорости, а не увернулась, как обычная ворона. И повторила удар. Коршун полетел на другую сторону проспекта обескураженный, а птица вернулась за мной общезжитие, пролетев надо мной, и я узнал в ней сокола, стремительного и красивого.

У коршуна выиграло самолюбие: не долетев до противоположной стороны проспекта, он вдруг развернулся и устремился за обидчиком. Секунд через сорок из-за общаги, уже слева, метрах в пятидесяти от меня, стремительно вылетел сокол, а у него буквально на хвосте висел коршун, почти догоняя обидчика. «Ну, – думаю, – пропал соколик...» А сокол просто уводил коршуна от гнезда. Над проспектом, где попросторнее, вдруг ускорился и взял резко вверх. Коршун просто потерял его из виду и повис в воздухе, вертя головой и издавая звук: клю-клю-клю... И стал похож на герб Российской империи, только без скипетра и державы в когтях. Сокол сделал мёртвую петлю – вот у кого учился Нестеров! – реальную, вниз головой, и обрушился сверху на огромной скорости на коршуна! Тот завертелся в воздухе. Сокол, нырнув вниз, уже делал новую петлю. И так раза три. Оказывается, сокол – самая быстрая птица в мире: его скорость при атаке достигает трёхсот восьмидесяти пяти километров в час, а у коршуна – триста двадцать. От удара сокола (он бьёт лапами с острыми когтя-

ми, вытянутыми вперёд) у некоторых птиц отлетает голова, а голубя сокол перерезает практически пополам... В общем, коршун был бит и улетел подальше от греха за дома пестовать своё горе. А у сокола есть пара, их гнездо где-то за общагой, потому как я видел эту парочку несколько раз. Кстати, соколы, как и коршуны, заводят себе партнёра на всю жизнь.

Коршунам достаётся, когда они прилетают поодиночке; тогда у защищающихся даже конкуренция возникает: кто прогонит хищника. Как-то одинокий коршун прилетел на завтрак на дом, где рядом находилось гнездо ворон. С крыши поднялась ворона, чёрная и лохматая, и стала гнать хищника. Внезапно из-за девятиэтажки вылетел сокол, в долю секунды нагнал ворону, оттолкнул её плечом-крылом, гаркнул на неё, и та, испуганная, села на крышу. А сокол отогнал коршуна метров на сто и скрылся за домом. Вот такая борьба за выживание.

Недавно ездил в магазин «Поляна» отовариться с пенсии. Когда стоял на остановке, чтобы уехать домой, заметил, как из лесочка напротив вылетел коршун (может, змеяд, есть и такая похожая птица). А в когтях у него извивалась змея, большая, не менее метра длиной. И тут из леса поднялась сорока и стала атаковать коршуна сзади. Ему и так тяжело было тащить эту змею, а тут ещё сорока... Пока охотник уворачивался от сороки, выронил добычу; змея полетела к земле, извиваясь в воздухе. И тут из-за леса вылетел второй коршун. Сорока прямо-таки нырнула в заросли, потому что, когда коршуны летают стаей, прячутся все, кроме ласточек, которые кружатся возле коршунов вёртко и быстро, поедая насекомых.

А коршун – птица ещё и очень любопытная. Иногда, когда молодой коршун пролетает низко и недалеко от меня, стоящего на лоджии, издаю два-три длинных свистка. Бывает, птица подлетает ближе, делает надо мной пару кругов, разглядывая, кто это тут балуется. А может быть, ему интересен кот Кеша, который ходит за мной, как собачка.

Кеше четыре года, однажды его сильно напугал такой вот коршун. В углу лоджии стоит высокий шкаф; кот любил на нём возлежать, развалившись и нежась на солнышке. И вот грелись мы на солнышке, как вдруг метрах в пяти от нас в брющем полёте просквозил крупный коршун. Он повернул голову и поглядел на меня, на котика... Я обернулся на кота: тот сидел, вжавшись в какие-то коробки, и сопровождал коршуна огромными голубыми глазами, в которых застыл ужас. С тех

116

пор кот старается выходить на лоджию со мной, а если предпринимает путешествие один, то маскируется среди коробок.

Рассказывают, что коршуна можно прикормить и он будет прилетать на окрик или свист. Моя супруга говорит: «Чего свистишь? Подзываешь, а не кормишь!» Да я же мяса на них не напасусь! И Кешу жалко: вдруг он покажется коршуна более желанной добычей, чем кусочек мяса?

Слышал от знакомых историю, как женщина шла домой и несла в руке колбасу. Вдруг мелькнула чёрная тень. Стремительный коршун вырвал у неё колбасу, оцарапав когтями кожу. Естественно, женщина была напугана. Вероятно, самое большое зло в отношении человека от коршуна – это напугать (и не специально). А напасть на человека он не сможет: слишком большая весовая разница. Надо отметить, что к людям птицы уже привыкли. Даже если сокол поселился в городе, а соколы не особо дружат с людьми...

У пары сорок, что живут слева от общежития, уже подросли птенцы. По утрам они поднимают такой стрекот, что будят всю округу. Старшие обучают сорочат летать, искать пищу, прятаться от хищников на земле и на нижних ветках лип. Вороны оглашают карканьем округу, обучая своих деток приёмам полёта, но летают уже повыше, над домами. Причём летают группами до десятка птиц, синхронно и слаженно, прямо как самолёты пилотной группы «Витязь». В начале июля вернулись пропавшие куда-то весной воробьи. Вероятно, плодились и отъедались на дачах горожан, а теперь вместе с молодыми воробышками верещат из всех кустов.

Самая многочисленная и оставляющая наиболее видимые следы группа птиц – это голуби. Красивые, разномастные и очень наглые. Мой друг называет их «летающими крысами». Ведь голуби не собирают с деревьев насекомых, как синицы или сороки, не ловят на лету мошек и комаров, как ласточки, а кормятся только от человека: из мусорок или из рук заботливых одиноких бабушек. Им не нужны деревья, небо, воля, а только кормушка. Даже на заводах способны жить.

Однажды после смены я, умывшись и переодевшись, стоял с товарищами у проходной, ожидая служебного автобуса. От пролетавшей над нами стайки голубей мне на запястье прилетел «гостинец». Руку нестерпимо зажгло; протирал тряпочкой, смачивая слюной, – жгло, пока не доехал домой и не промыл руку щёткой с мылом... Что там, на заводе, едят эти голуби, бродя по разливам кислот и щелоков, где мы и работаем-то в противогазах?

В борьбе за выживание побеждает не готовый убивать, а тот, кто готов умереть: малые популяции (и не только птиц) борются за сохранение вида, не щадя себя ради потомства. А голуби, птицы мира, сдаются без борьбы. Когда прилетает хищник, голуби бросаются, как брызги от упавшего в воду камня, в разные стороны, спасая себя и бросая не всегда удачно укрытые гнёзда и птенцов. Голубей много: на каждом доме в городе по десятку-два. Они берут количеством. Коршунам тоже надо питаться. Птицы за зиму так страдают, сколько их гибнет от холода и голода!

А ведь от птиц только польза. Хотя я понимаю садоводов и работников аэропортов, но неужели наука не может придумать ничего реального для отпугивания птиц? Создаём сотовые телефоны, запускаем ракеты, а на огороде только чучело? Убивать птиц, что ли, из-за клубники? У меня есть опыт птицеубийства. Ещё пацанами в деревне мы из рогаток стреляли воробьёв, хотя чаще всё-таки по пустым бутылкам. Но табу были и у нас: попробуй убить ласточку – товарищи будут презирать, а взрослые могут и наказать.

После армии я приехал в отпуск к отцу, взял его бескурковку двадцать восьмого калибра и пошёл пострелять рябчиков. Начало весны. На лыжах по насту прошёл за огород метров двести, посвистел в манок... Ну, принёс я домой пяток рябчиков. Не видел, как мать их ощипывала, но когда увидел в кастрюле их исхудавшие за зиму тушки, которые по мясу – все пять! – не дотягивали до одной домашней курицы, мне стало стыдно за себя, царя природы, и я не смог есть этих рябчиков.

Видимо, каждому человеку необходимо время, чтобы созреть до понимания многих вещей: классической музыки, настоящих книг и ценности самой жизни. Надо дорасти, может быть, страдаться, побывать в коме, как я. Или побывать на войне.

Лето ещё в самом разгаре, и я буду выходить на лоджию, ухаживать за цветами и наблюдать за птицами, пока не наступит осень и не станет холодно. Тогда я буду сидеть дома, а птицы, те, что не улетят в тёплые края, останутся на улице в холоде и сырости выживать. Так что пусть они живут, живут все. Я хочу по утрам видеть, как сороки учат детей летать, как поползень прыгает по ели и собирает личинок короедов. Пусть на мой свист подлетает коршун и в ответ на поднятую руку трясёт крыльями, здороваясь.

Пусть все они живут. Даже голуби: летают они всё-таки красиво...